

Александр ГОРДЕЕВ

Дай руку, капитан!

Повесть о юном футболисте

**Волгоград
2018**

Гордеев, А. И.

Дай руку, капитан! [Текст]: (повесть о юном футболисте / Александр Гордеев — Волгоград: Издатель, 2018. — 296 с.

В глубине южно-русской степи России расположился казачий хутор Дёминский. И хотя его миновали боевые действия Великой Отечественной, война разрушила привычный уклад жизни многих сельских семей.

Люди много и тяжело трудятся, восстанавливая порушенное хозяйство. Как правило, казачьи семьи многодетны. Подростающие мальчишки учатся в школе, озоруют, играют в «красных» и «белых», и в один прекрасный момент в их жизни появляется футбол. Знакомство с игрой, неумелые первые матчи, самодельный стадион — вскоре любопытство перерастает в серьезные тренировки. Появляется у ребят и наставник.

Дружба и предательство, сплоченность и разногласия — через многое проходят взрослеющие ребята — главный герой Андрейка Ковалёв и его товарищи.

Книга адресована широкому кругу читателей, прежде всего подросткам и молодежи.

© Гордеев А. И., 2018
© ГБУК «Издатель», 2018

Глава 1

Вот так проводы!

... **Н**а столе у меня лежали белые кубики необычного сахара. Сутки назад привез их из командировки. Там, на опытном заводе, массивные и искристые «головки» этого продукта распилела на конце конвейера автоматическая пила. Вкус у него оказался идеально сверхсахарный.

Много лет вынашивал идею, защитил диссертацию. Еще три года ушло на то, чтобы после разработки проектно-сметной документации, взламывания бюрократических барьеров воплотить в металл и запустить опытную линию, хотя и не верили в нашем НИИ, что все задуманное получится. Моя идея заключалась в получении нетрадиционного источника сахара.

Вы слышали когда-нибудь, чтобы этот высокоэнергетический продукт вырабатывали на промышленной основе из сортов сахароносного сорго, которое хорошо себя чувствует на степных и полупустынных землях? Только по левобережью реки Волги это земли Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей, на которых могли бы разместиться многие из европейских стран. За культурой сорго — бесспорное будущее.

Работа работой, но в жизни человека должен быть и отпуск, которого я ждал, как высокой награды. Три года только и грезил о нем. Летом переносился в зиму, представляя себя идущим на лыжах и попавшим в эпицентр колкой, сбивающей с ног пурги, в круговерти которой на тебя наваливается страшная усталость и кажется, что ты потерял ориентир. Где-то продираешься сквозь черные заросли терновника, чутьем находишь спуск в овраг с кривым мостиком, решительно скатываешься к нему, стараясь проскочить посередине, и уже на знакомом подъеме выходишь на кряжистый одинокий клен. И если в белом ослеплении заворачиваешь по толще сугробов к улочке, зажатой с боков позеленевшими от сырости и ветхости плетнями, значит, скоро пробьешься через враждебную пляску хлесткого снега к теплу родного дома с горячим духом русской печи.

Ну, а зимой представлял себе знойное лето, с густой зеленью садов, безмятежным воркованием горлинок на проводах, искрами слепого дождя и необыкновенной легкостью воздуха, первыми яблоками, темно-малиновыми вишнями и самым незабываемым — зарослями камыша у дремлющего на зорьке пруда. И ты сидишь на какой-нибудь коряге, и у тебя в руках длинное суковатое удилище с пробкой-поплавком, который обязательно должен подскочить на глади воды, а потом ускользнуть, погружаясь, в сторону. И ты делаешь подсечку и физически ощущаешь радостную тяжесть, когда после плавного рывка отчаянно трепещется и горит на крючке, словно золотой шар, красноперый карась в лучах восходящего солнца.

...Сколько раз, бывало, в тиши конструкторского бюро витаешь в воспоминаниях, ничего не видя и не слыша. И вдруг приходишь в себя от легкого толч-

ка и обеспокоенного голоса коллеги: «Петрович! Ты чего?»

Волей-неволей возвращаешься к действительности. Все уплывает и рассеивается. Только успеваешь пробормотать: «Да так, задумался».

— Знаем-знаем, задумался, — улыбается сосед.

В последнее время, когда под окнами института сходил почерневший снег и шла в рост шелковистая трава, а потом цвела сирень, об отпуске вспоминал все чаще и чаще. От такого нетерпенья мог бы помчаться самолетом в родные края. Но зачем? Мало ли на них летал? Пролетишь за полтора часа над облаками, и все — спускайся с трапа. Какая же это дорога? А где впечатления, к которым ты можешь возвращаться сколько душе угодно?

Уж лучше податься на Казанский вокзал, по своему особенный, если сравнивать его с двумя другими в «Бермудском треугольнике» Москвы. Может, замечали на его здании башню с площадкой? Это звонница об одном колоколе, которая, замечу как инженер, функционально связана с большими часами. Лишь только минутная стрелка обежит темно-синий циферблат с золочеными знаками зодиака, незаметно продвинув часовую стрелку, так и ударят молотки, отбивая время на почернелой меди колокола.

А рядом на угловой пирамидальной башне непонятное существо, выкованное из металла, поворачивает, как флюгер, нос по ветру на тонком золотом шпиле.

Кто-то скажет, разглядывая оперение, что это жар-птица, а кто-то заспорит — петух, мол. Нет, ни то и ни другое. Это стилизованный крылатый змий Зилант с Черной горы Каратау, он изображен на старинном гербе Казани и считается ее символом.

Вот и надо сесть в купейный вагон и махнуть по железной дороге. В поезде можно встретить множество попутчиков и с каждым, не называя себя, беседовать сколько хочешь. С иными и расставаться жаль.

Разве плохо? Колеса стучат и стучат, а ты, прислушиваясь, радостно размышляешь, что отпуск только на старте и все заветное — впереди.

— Все! — сказал я своим разлюбезным коллегам. — Заместитель — на месте. Билет — в кармане. Счастливо оставаться! И покорнейше прошу телеграммами не беспокоить. Что не так — после наверстаем.

Шутливо раскланиваясь, я даже подмигнул моему кульману со снятой рейсиной: попылись-ка, дружок, отдохни. Птицей пролетел по длинным коридорам, слаломистом спустился широкой лестницей в вестибюль и с генеральской важностью вышел через парадный подъезд.

Меньше часа, и я уже забыл, что такое городской шум, транспортные пробки и наше научно-исследовательское учреждение. Знакомой тропкой шел к своей девятиэтажке. И вдруг к ногам подкатил футбольный мяч, живым существом крутнулся вокруг оси и остановился, подставив на обозрение ободранные, с травяной прозеленью шестиугольники.

— Дя-а-дь, дай пас! — услышал крик распалившегося парнишки, который понравился мне с первого же взгляда: его глаза, сверкавшие от куража, прикрывала назойливая челка. Явный лидер команды, нетерпеливый, он машинально пытался сдуть ее на место. Стоял он метрах в тридцати, ближе всех ко мне, машинально заправляя выбившуюся из трусов майку с эмблемой общества «Спартак». Его футбольная ватага замерла за спиной, наблюдая, как я справлюсь с просьбой.

Не знаю, что и произошло, но во мне проснулся инстинкт футболиста, а главное — желание показать, что в футбольном деле не лыком шит. Легким накатом поддел мяч на подъем правой стопы, пока он за доли секунды отрывался от земли, сделал отмашку и сильным ударом послал его обладателю спартаковской футболки. Пока мяч описывал крутую дугу, я с любопытством наблюдал, как неожиданный партнер примет нелегкую подачу.

Никакой растерянности не обнаружилось. Парнишка, вытянув перед собой руки, принял мяч на грудь, расслабив корпус, погасил силу падения, перевел его на колено, с колена — на подъем правой ноги, слегка подкинул перед собой и резким ударом ввел в игру. Виртуоз и только! Некоторое время я следил за тем, как парнишка владеет мячом. Наука эта давалась ему легко, потому что во всех направлениях, в самых горячих местах мелькала его белая, словно облитая сметаной, вихрастая голова. Не без зависти оценивал экипировку: команда, где заправлял мой незнакомец, была в полной футбольной форме, и почти каждый был обут в кроссовки фирмы «Адидас», да и другая выглядела не хуже.

Да-а-а! Разве так выходили когда-то играть в футбол мои ровесники? И обувались, и одевались кто во что горазд. И мяча-то путного не было. Купить его было невозможно, потому что ни копейки лишних денег не было. Самый лучший, пошитый из кирзы, с кислиновым ремешком-шнурком, берегли для особых игр, а в будни гоняли самодельный тряпичный мяч. Наша ли была вина, что жили в послевоенное время? И нужно ли смеяться, если мы, хуторские мальчишки, мало разбирались в правилах игры? Но и у нас футбольный азарт был хоть куда.

Каждый из нас вынес из своих лет не легкую беззаботность, а горечь утрат в семье, понятие о тяжелом труде. В какой-то мере дети в силу возраста были ограждены от переживаний. Лишь иногда что-то роковое из слов родителей доходило до нашего сознания: кто-то погиб в бою, умер в госпитале от ран, а то и вовсе пропал без вести. Может быть, мы недоедали, может, не так хорошо одевались, может, нам не хватало игрушек, но все это было в порядке вещей.

В который уже раз я сожалел, что не мог родиться раньше, чем мои старшие братья Владимир и Леонид! А все потому, что слишком плохо умел читать. С дружкой моим Володей Двужиловым мы ходили в обнимку и афиши о кинофильмах в нашем клубе ухитрялись читать вдвоем. Он знал одну половину алфавита, а я — другую. Так, складывая буквы по слогам, однажды уловчились вычитать: «Александр Невский». Уточнили у проходившей мимо аптекарши. И был у нас великий восторг, ведь прочитали-то правильно. А кинофильм оказался ну просто мировой.

Я помню письмо, сложенное из серой бумаги в треугольник, аж из самого немецкого города Берлина. Старшие братья никак меня к нему не допускали. Только они и мать с отцом лучше моего знали, что в нем написано химическим карандашом.

— Чудак-человек! — говорила матушка, вытирая руки от муки рябым полотенцем после того, как заканчивала месить тесто. — Хорошо, что после войны родился, голод и холод тебе не достались, как Володе и Лёне. Им и крапива, и лебеда, и ракушки-перловицы из речушки Тишанки шли на еду, отчего животы раздувались, а то случались и запоры.

— Об этом ничего не слышал. Но лучше расскажи про письмо дяди Труши.

— Сначала немного о нем, — вздохнула матушка. — Дядя Труша, или Трофим Иванович Агапов, родился в станице Нехаевской. Рослый, крепкий. Хорошо на коне скакал. На войну пошел, приписав себе один год возраста. От развалин Сталинграда прошел до развалин Берлина, за боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

— А что в письме-то?

— В нем он обращался к нам — родителям и особенно к вам — племянникам:

Дорогие мои орлы, Володя и Лёня! Вот она, радость Победы! Только что отсалютовали из автоматов в немецкое небо, черное от копоти и дыма. А все же свернули мы фашистам головы. Нет больше Гитлера. Скоро приеду домой. Увидимся и обнимемся. А вам, дорогие мои орлы, я привезу два трофейных аккордеона. Вот научитесь играть на них, сколько хороших песен споем, ведь это мы — советские солдаты, для всего мира завоевали мир.

Это письмо матушка знала почти наизусть — дорогое, радостное письмо. Но потом замолчала. Ее улыбочивое лицо омрачалось раздумьем, пока я не потребил ее за передник.

— А как узнали, что он погиб?

— Знаешь, сынок, боевые друзья обменялись домашними адресами, чтобы в случае гибели кого из них навестить их родственников. Ну, а о его последнем письме ты теперь знаешь.

Однажды в наш дом зашел фронтовик в выгоревшей от солнца гимнастерке, но зато с серебряными медалями. Он оказался шофером, единственным после трагедии оставшимся в живых человеком. Машина-полуторка отъехала на восток 100 километров и на

одном из поворотов случайно наскочила задним колесом на мину. Взрыв. Полуторку разорвало на куски. Убитых и раненых раскидало из кузова по сторонам, а сам шофер вылетел при взрыве на дорогу через лобовое стекло кабины и остался жив.

— Мам, а он сказал, где могила дяди Труши?

— Где-то в Германии. Больше ничего сказать не смог. Ведь его тогда же, тяжелораненого, отвезли в госпиталь.

...Годы, годы, годы. Иногда человеку кажется, что пронесутся они, как вдох и выдох. Двадцать лет минуло после окончания войны. Второй старший брат Леонид, в звании старшины инженерных войск, завершал шестой год службы в ЗГВ — западной группировке войск. Советских войск, конечно. Все это время его не покидала мысль найти могилу родного дяди. Но как это сделать, если существуют уставы и воинская дисциплина? Одно дело — в составе «китайской роты» в рекордный срок наводить понтонную переправу через реку Эльбу с ее шириной, глубиной и быстрым течением, но совсем другое — получить увольнение из воинской части с дислокацией в Магдебурге, чтобы найти захоронение Трофима Ивановича Агапова. Только и видел старший брат в Трептов-парке величественный бронзовый монумент советскому воину-освободителю. И то утешение. Выходит, один на всех не вернувшихся с войны памятник поставлен...

Но вернемся к детскому послевоенному футболу в далекой сельской глубинке.

...Это сколько же времени прошло с той поры, когда мы на свой лад, всеми доступными возможностями осваивали футбол? В школу пошли аж в 1953 году. Если прикинуть, больше чем полвека наберется.

* * *

...А игра в парке на лугу шла азартная. Насколько я понял, дворовая команда «Спартак», которую возглавлял мой неожиданный партнер, одолевала соседей. В этом я убедился, обернувшись напоследок еще раз: юный спартаковец сумел обойти шеренгу суетливых защитников и прошить ударом мяча импровизированные ворота.

— Ура! «Спартак» — чемпион!

...На следующий день, направляясь после полудня на вокзал, я увидел на скамейке сделанную наспех черной краской неожиданно броскую надпись — «Спартак» — чИмпЕон!» Рядом красовался корявый ромб известного спортивного общества с буквой «С» в середине, увенчанный короной.

Нетрудно догадаться, чьих рук дело. Ну что за «авторы» у нас пошли, не владеющие правописанием? Под скамейкой одиноко валялся пустой баллон из-под краски, очень ходкий у автомобилистов для заделки царапин на кузовах машин.

...До чего же толпист и шумен Казанский вокзал! Не знаящим конца конвейером катят к нему автобусы и такси, делают остановки трамваи и троллейбусы. Из них и из подземелья метро вырываются люди. Кто тут пассажир, а кто провожающий — не разберешь.

Вот сгрудились в кружок студенты с гитарой, может, где-то на природе хотят отдохнуть, а может, стройотрядом направляются в глубинку, чтобы что-то построить и заработать. А вот из-за дальних из-за гор, а точнее — барханов и пустынь, в стеганом халате, в тубетейке и сапогах с резиновыми галошами, прошел с переметными сумами седобородый аксакал. Что забыл он в первопрестольной? Не всякий догадается.

Я заметил у него на груди все положенные ветерану войны и фронтовику знаки рядом с орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалью «За отвагу». Одна из версий — неумное желание встретиться в глубокой старости с братьями по оружию, с кем ковали Великую Победу.

А вот носильщик погрузил на тележку чемоданы, узлы и корзины. Везет не только их, но и... какую-то бабку, которая сидит румяная, наряженная, словно кукла на чайнике. И все, кто видит это «чудо», невольно улыбаются.

Двигутся, мелькают лица людей. На то он и Казанский вокзал...

Смотрю на часы, сверяя их с курантами на башне. В запасе пятнадцать минут: целое богатство. У вагона перевожу дух, предъявляю билет статной проводнице в голубой пилотке, пришпиленной к прическе. Машет мне рукой, проходите, мол, после проверю. Что-то душно в купе. С силой опускаю оконную раму.

«Ба! Знакомые все лица!» Кто бы мог представить что-то подобное: ведь это же вчерашние мальчишки, выходит, провожают на этот же поезд белобрысого капитана. Остановились под окном, о чем-то говорят.

И вдруг слышу крики: «„Спартак“ — чемпион! „Спартак“ — чемпион!». Шлеп-шлеп! Шлеп-шлеп-шлеп!» — хлопают ладонями. И кто-то сорванным голосом вопит: «Знайте, люди, что пока нет сильнее «Спартак»...»

Болельщик болельщику рознь. Преданность команде-кумиру у иного так и прёт через потуги голосовых связок, ему кажется, что для выражения безграничной любви это самое что ни на есть надежное сред-

ство. Но есть солидный болельщик, который воздает уважение любимой команде достойным молчанием. И в этом молчании, можете согласиться, больше силы. Зато на стадионе, когда идет жаркий матч, все одинаковы, все следят за событиями на одном дыхании. Если кто-то допустил досадный промах на зеленом поле, полстадиона ахает, ну а если точен и неотвратим завершающий удар, оглашается ревом весь стадион.

Мало кто из суетившихся пассажиров и провожающих обращал внимание на какие-то неуклюжие комплименты «Спартаку». Люди, озабоченные оставшимися до отхода поезда минутами, багажом, билетами и так далее, лишь досадливо морщились на мельтешащих «сдвинутых» ребят.

Только некоторых любителей футбола, годами намного старше, выкрики мальчишек все же задели. Собравшись по двое-трое, они стали выяснять — какая из команд в чемпионах числится? И все у них перепуталось: «Динамо» и «Торпедо», «Локомотив» и «Зенит». Даже волгоградский «Ротор» чуть в чемпионы не попал.

Спорщики смотрели друг на друга такими глазами, словно боялись остаться ограбленными. Однако никто не хотел согласиться, что «Спартак» — чемпион. И неизвестно, чем бы кончился спор и был ли он главным во всем происходящем, если бы поезд не тронулся. Настоящие болельщики расходились по вагонам в легкой задумчивости.

Глава 2

Магическая сила кресворда

Тем временем поезд набирал скорость. В мое купе вошел знакомый незнакомец. Ловко забросил на верхнюю полку туго набитую спортивную сумку и уселся напротив.

— Привет, чемпион! — обратился я к нему. А потом нарочито, с назиданием подняв палец над головой, добавил: — Знайте, люди, что пока нет сильнее «Спартака»!

— Здравствуйте, дяденька. Но наш «Спартак» — чемпион...

— Бог с ним, со «Спартаком». Куда путь держишь?

— До станции Филоново, дяденька.

— О! И мне туда же!

— Вот здорово!

— Еще бы! А почему один?

— Мама — в командировке, а папа... мы давно без него живем...

— Что ж, бывает. Ну, а дальше как?

— Дальше? — переспросил спартаковец. — Ничего страшного, дяденька, в Филоново меня встретят.

— А дальше?

— Хутор Дёминский.

— Дёминский?

— Да, проще — Дёминка.

— Хоть стой, хоть падай: я ведь оттуда родом!

— Значит, нам по пути?

— Выходит, что так.

В нашем диалоге наступила пауза. Каждый из нас «переваривал» свалившееся столь неожиданно. А вагонные колеса в своем перестуке давно вошли в азартный ритм, стремясь как можно быстрее поглотить расстояние. С шумом и грохотом прорывался состав через арки мостов, соединявших берега рек, встречавшихся на пути.

— Дяденька, а откуда вы знаете, что наш «Спартак» — чемпион?

— Я много чего знаю. Знаю, например, что ты живешь в седьмом микрорайоне.

— Вы, дяденька, телепат?

— Нет, я конструктор, почти засекреченный.

— Граждане, ваши билетки! — обратилась к нам проводница.

— Пожалуйста! А скажите, почему два нижних места свободные?

— Подождите, вот доедем до Рязани, там обязательно кто-то подсядет.

— Очередные чудеса Казанского вокзала, — заметил я.

— Что-что, а чудес у нас на железной дороге хватает, — улыбнулась проводница. — Подождите, скоро вам с сынком принесу постельные принадлежности.

Мы со спартаковцем переглянулись и начали смеяться.

— Вот что, «сынок», — не выдержал я. — Давай знакомиться, а то заладил — «дяденька-дяденька».

Мне эти сю-сю-сю ни к чему. Зовут меня Андрей Петрович, а фамилия — Ковалев. Ну, а я с кем честь имею?

— Меня зовут Роман, фамилия — Телегин.

— Знато. Так ты, значит, спрашиваешь, откуда мне ведомо, что ты — спартаковец, да к тому ж и капитан команды? Ведь так? Капитан? Может, помнишь, кто-то тебе еще вчера мяч подавал?

— И спартаковец, и капитан. А вот вас, Андрей Петрович, не припомню.

— Это не важно. Матч-то шел серьезный. А вот почему для игры не нашли другого места? Неужели городских стадионов мало? Сколько футбольных полей, и все пустуют. И солнышко светит, и газоны зеленые, а получается, что все это ни для кого.

— Команда у нас классная, но школьный стадион завалили какими-то трубами. Пришли на стадион «Динамо», а там толсторукие мужики от ворот поворот показали. Вот и маемся где придется...

Об этом Роман сказал с каким-то горестным вздохом, пряча от меня свои в тон настроению серые глаза. Видя это, я поспешил перейти на другую тему:

— Да, брат, по Дёминке скучаю. Там, поди, лет пятнадцать не был. Наверное, вся родня давно про меня забыла. Ну, а ты у кого гостить собираешься?

— Бабушка там у меня, хорошая такая, Анастасия Харитоновна.

— Стоп-стоп-стоп! Уж не та ли, в чьем саду анисовые яблоки? Грозная для нас тетка была. Значит, еще жива?

— А что с ней будет? Еще как жива.

— А Дёминку хорошо знаешь?

— Откуда? В первый раз еду.

— Ничего, дело поправимое. Все будет как надо: ты встретишь местных ребят, познакомишься с ними, а главное — природа, воздух, рыбалка наконец. Как насчет нее? Удочкой владеешь?

— Рыбалка, наверное, хорошо, но с удочкой не очень, — сознался Роман.

— И это дело поправимое, — уверял я. — Ты бы видел, какие там пруды. Каскадом идут, с плотинами — Большой, Новый, Глазков. И рыба есть: караси, карпы и даже белые амуры. А за хутором прудов еще больше. Иные на три километра тянутся. Красота!

— Я больше, Андрей Петрович, ротанами занимался. Такие они серые и мелкие. Их даже в канавах выуживал, на голый крючок брал, — поддержал разговор Роман и, видимо повторяя заключение взрослых, добавил: — Сорная рыбешка, всю икру в водоемах пожирает, даже лягушиную. Говорят, с Владивостока аквариумисты завезли и теперь ее ничем не выведешь.

— Это не рыбалка, баловство одно. Вот сходим на зорьке, тогда узнаешь, что такое золотые шары.

— Какие шары?

— Это когда карась на крючке трепещется.

— Хорошо бы... — не верилось Роману.

«Рыбалка рыбалкой, но как бы главное не упустить, — подумал я. Удивительно знакомыми показались мне глаза Романа Телегина. Что же особенного подметил в них? Уж не зеленоватые ли крапинки? И не только они до боли волновали и вызывали воспоминания. Может, цвет волос? Вроде бы и нет. Видимо, он передался от блондина — Телегина-старшего. — Да, этот мальчик даже не подозревает, чем я еще его удивлю».

Я продолжал рассматривать мальчика и размышлял.